

Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах

© Ю.Д. Гранин

Институт философии РАН, Москва, 109240, Россия

Проанализированы особенности интерпретации содержания понятия и феномена «государство», его исторических форм в различных типах научного дискурса. Показано, что большинство этих интерпретаций оставляет на периферии внимания специфические характеристики становления и развития «государства модерна» — процессы его национализации и социализации, которые в социальных науках интерпретируются в эссенциалистском ключе, т. е. не как становящиеся, а как ставшие «социальные» и «национальные» государства. Эти понятия и соответствующие им исторические феномены продуктивно использовать с учетом общеисторического и цивилизационного контекстов их становления и в качестве исторических форм «современного государства», обуславливающих друг друга.

Ключевые слова: государство, современное государство, модерн, национализация, социализация

Обозревая теоретические дискурсы, формирующие совокупное исследовательское поле социальных наук, следует обратить внимание на полисемантизм многих (если не большинства) понятий, используемых социальными дисциплинами. В целом эта многозначность употребляемых терминов вызвана дисциплинарным характером организации научного знания, а в пределах каждой научной дисциплины — конкуренцией научных программ и парадигм исследования, в ходе которой употребляемые понятия существенно меняют свое содержание. Прежде всего это верно для так называемых междисциплинарных категорий (культура, цивилизация, нация и др.), к числу которых относится и государство. Попадая в теоретический контекст разных социальных наук, этот термин используется экономистами, юристами, политологами в разных значениях.

Так, государствоведы выделяют пять основных взглядов на природу государства: теологический, классический, юридический, социологический, технико-кибернетический [1, с. 28]. В соответствии с теологическим взглядом государство — проявление божественной воли. Согласно классическому подходу, государство представляет собой соединение трех основных элементов: власти, территории, населения. Такой взгляд характерен, например, для немецкой традиции, в рамках которой государство понимается как «юридический термин, который относится одновременно к Staatsgewalt, исполнительной ветви, гарантирующей внутренний и внешний суверенитет,

к Staatsge-biet, четко ограниченной территории, и к Staatsvolk, совокупности граждан» [2, с. 346]. Истоками юридического подхода являются идеи И. Канта о том, что государство представляет «множество людей, объединенных законами». В центре рассмотрения представителей данного подхода находятся правовые отношения и юридический порядок [1, с. 31].

Сосуществуют и многие иные трактовки государства (психологическая, органическая, патриархальная и др.), из которых наиболее интересными являются корпоративистская интерпретация государства Мартина ван Кревельда [3] и субъектная интерпретация Э. де Ясаи [4]. «Государство, — утверждает Кревельд, — будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией, так же как *inter alia* (между прочим) ими являются университеты, профсоюзы и церкви. Как и любая корпорация, оно имеет своих директоров, служащих и пайщиков. Самое главное — государство является корпорацией в том смысле, что оно выступает юридическим лицом (*persona*), из чего следует, что оно имеет права и обязанности, а также может заниматься различными видами деятельности, как если бы оно являлось живым существом из плоти и крови» [3, с. 7].

В свою очередь Э. де Ясаи рассматривает государство не как пассивный инструмент, служащий интересам общества в целом, класса или социальной группы и т. д., а как активно действующий субъект, преследующий собственные интересы [4, с. 16]. Такая трактовка аналогична подходу экономистов к изучению производственной фирмы, однако в отличие от последней государство, по мнению Ясаи, стремится максимизировать не прибыль, а объем властных полномочий и использовать последние для достижения собственных конечных целей, каковы бы они ни были. Главным инструментом государства при этом является завоевание поддержки тех или иных групп подданных путем перераспределения в их пользу богатства, отбираемого у других.

Ситуация еще более осложняется, когда используются сложносоставные понятия, такие как архаичное государство, современное государство, силовое, демократическое, правовое, национальное или социальное государство. Что, в частности, следует понимать под современным государством, или «государством модерна»? Если суммировать весь массив представлений о современном государстве, который содержится в работах отечественных социологов и политологов по данной проблематике, то получится понимание, близкое к тому, которое дали М. Вебер, а позже Э. Гидденс. С их точки зрения, государство представляет собой, *во-первых*, набор институционализированных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами, *во-вторых*, свод санкционированных законом правил, а *в-третьих*, непосредственный контроль над средства-

ми внутреннего и внешнего легитимного физического насилия. «Государство, — писал М. Вебер, — есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на *монополию легитимного физического насилия*» [5, с. 645]. Однако многие специалисты по исторической социологии, исторической и культурной антропологии, изучающие становление догосударственных образований (простых, сложных и суперсложных «вождеств») и так называемых протогосударств, резонно проблематизируют, казалось бы, уже давно решенный вопрос: был ли связан сам процесс становления государства изначально с силой принуждения? Или предгосударство еще функционировало в интересах всего народа и только много позже стало выражать и защищать (посредством утверждения монополии управляющих на применение насилия) интересы победивших в борьбе за ресурсы господствующих групп (так называемая контроверза Фрида — Сервиса)?

Еще одна проблема с постулатом о «легитимном применении физического насилия» возникает в связи с тем, что даже в государствах Древнего Востока, открыто провозглашавших монополию власти на насилие абсолютно законной, справедливость такого положения дел нередко ставилась под сомнение различными социальными и политическими силами, включая части элиты [6]. Это происходило потому, что в сегментированном обществе (обществах) легитимность (доверие и принятие) власти и ее действий не может быть всеобщей — она всегда связана с оценкой групп населения, интересы которых изменчивы и различны. Кроме того, использование идеи легитимности, отмечают специалисты, ведет к порочному кругу: «Для легитимности применения физического насилия государством нет фундаментальных и логически предшествующих ей причин кроме той, что оно *уже* захватило монополию на него и тем самым превратилось в государство в собственном смысле слова» [4, с. 102].

Как показывают исследования, далеко не все правители ранних государств обладали безусловной монополией на применение насилия. Поэтому Д.М. Бондаренко, Э. Геллнер, Л.Е. Гринин, Р. Кайнейро, Ш.Дж.М. Классен, Н.Н. Крадин, Д. Куртц и другие [7, 8] считают, что реальное право на принуждение «не должно ставиться в центр теории государства, так как оно — величина зависимая: если это право и узурпируется властями предержавшими, то это происходит в результате двустороннего процесса легитимации, в котором ожидания простых людей должны быть поняты и учтены в государственной идеологии, чтобы достичь их согласия на существование данной власти. Никакой политической режим не в состоянии держаться исключительно или даже преимущественно на насилии в течение долгого времени» [9, с. 175].

Несмотря на то что практика подавляющего большинства стран основывается на применении концепции государства как института осуществления «монополии на легитимное физическое насилие», в большинстве стран третьего мира ее применение на многих территориях оказывается проблематичным. Благодаря характерным для них трайбализму, регионализму, сепаратизму и другим явлениям локализации монопольное право центральной власти на насилие постоянно и в целом успешно дискредитируется, а лояльность граждан в большей мере направляется на негосударственные институты. Десятки стран Азии, Африки и Латинской Америки заимствовали и европейскую модель развития в целом, и европейского государства в частности. Но не могут ее (их) эффективно использовать в силу специфики своего социокультурного развития, причудливым образом отразившегося в коллективной памяти, менталитете, политической культуре их народов. «Это также служит основанием для многих политических антропологов, чтобы разделять мнение о непригодности веберовской формулировки наиболее сущностной черты государства для исследования процессов его образования и развития в современном мире. Они утверждают, что теория современного государства, если она основывается на постулате о монополии государства на узаконенное насилие, не может претендовать на универсальную применимость; максимум, что она может, — оказаться релевантной в небольшом количестве конкретных случаев» [9, с. 175, 176].

На универсальную применимость не может претендовать и признак территориальности, так как включение этого признака в определение государства заведомо ставит крест на обсуждении проблемы возможности существования «кочевого государства», в пользу которого есть многочисленные исторические свидетельства. Единственная очевидность, которая вряд ли может быть подвергнута сомнению, — это *суверенность самого государства* в качестве организации, осуществляющей принуждение. «Государство — это организация в обществе, которая *может налагать санкции без риска столкнуться с отказом подчиниться им* и может отменять санкции, наложенные другими. Существуют санкции, которые, в силу своей неуместности или тяжести, рискуют спровоцировать попытки оспорить их или требуют поддержки более сильной организации. Гарантированно не могут быть оспорены только санкции государства ввиду отсутствия более сильной стороны, способной налагать санкции» [4, с. 102].

Достоинство этой формулировки, на которую в дальнейшем автор будет ориентироваться, в том, что она выражает *суверенитет государства*. Но идея суверенитета государства — отсутствия в его пределах вышестоящей апелляционной инстанции — уже в Новое

время порождает стремление к усовершенствованию этого института в виде идеи *разделения властей*, позволяющей апеллировать внутри государства к одной из независимых ветвей власти (законодательной или судебной) против другой — исполнительной власти (госаппарата). Однако возможности этой внутренней апелляции на практике всегда ограничены. «Апелляция внутри государства работает тогда, когда есть хорошие министры, служащие доброму королю, а власть в общем и целом благожелательна. *Судебная власть определено является защитой от исполнительной до тех пор, пока последняя ей это позволяет, но у нее нет силы, чтобы обеспечить свою независимость* (курсив авт. — Ю.Г.). Как и у римского папы, у нее нет дивизий, и, подобно ему, судебная власть не может вести себя в практических делах так, как если бы они у нее были. Ее способность неповиновения исполнительной власти, которая не желает терпеть неповиновения, в конечном счете не что иное, как слабое отражение шансов на успешное народное восстание в ее защиту, которые сами по себе тем меньше, чем слабее независимость судебной власти» [4, с. 103].

Таким образом, даже краткий анализ теоретического дискурса о государстве свидетельствует о наличии серьезных разногласий в научной среде, связанных с базовыми характеристиками этого института, об отсутствии разделяемой всеми универсальной теории государства. Таким образом, имеет смысл зафиксировать следующие философско-методологические уточнения, на которые многие социальные исследователи почему-то не обращают внимания. Прежде всего, как свидетельствует история науки, ни одна из научных теорий (даже из сферы точных дисциплин) не обладала и не обладает необходимостью и универсальной применимостью. Тем более это требование невыполнимо в пространстве социальных и исторических исследований. Надо понимать, что все социально-исторические исследования, в том числе попытки воссоздать логику формирования государства в то или иное время в тех или иных географических регионах планеты, социально нагружены, принципиально неполны, представляют собой более или менее удачные реконструкции прошлого, ни одна из которых не имеет эмпирического подтверждения, а к их содержанию неприменима классическая (корреспондентская) концепция истины. В той или иной мере все они являются результатом научных конвенций, сменяющих друг друга не только по мере того, как адепты прежних просто уходят из мира сего (М. Планк), но и главным образом под влиянием неявного и личностного знания, многих внешних экстранаучных (политических, экономических, социокультурных, антропологических и иных) обстоятельств.

Поскольку выбор между альтернативными концепциями и предпочтение одной из них в качестве истинной или более вероятной не мо-

жет быть решен на чисто когнитивных основаниях, ключевым фактором здесь оказывается мнение дисциплинарного научного сообщества, которое в результате дискуссий достигает консенсуса. «Однако, как показывает история науки, такой консенсус в принципе никогда не является и не может быть в принципе окончательным и не подлежащим пересмотру в будущем другими поколениями ученых, новыми субъектами познания» [10, с. 16]. А консенсус по поводу того, что же считать современным государством, в социальных науках пока не достигнут. Выработанные в XX столетии М. Вебером, многими другими выдающимися исследователями из Европы и США концептуализации и созданные на их основе типологии современного(-ых) государства(-в) нельзя считать универсальными: они действительно в значительной мере основаны на обобщениях и экстраполяциях исторического опыта Европы, а иногда — исключительного опыта формирования государств Западной Европы Нового времени. Но это совсем не умаляет их научной значимости вопреки мнению представителей так называемого реориентализма (исследователей из Азии, Африки, но прежде всего из Латинской Америки), предлагающих деконструировать якобы наполненный имперскими категориями «колониальный дискурс». В частности, в современной науке авторитет М. Вебера чрезвычайно высок благодаря разработанным им теории политической власти, в которой проанализирован вопрос о принципах ее легитимности, теории господства рациональной бюрократии в современном обществе, теории плебисцитарной демократии, снимающей издержки господства формального права в современных демократиях, чреватого неизбежной бюрократизацией и обезличенностью процессов руководства, наконец, благодаря его анализу современного капитализма как воплощения принципа рациональности. Эти теоретические достижения можно корректировать в свете новых данных, не забывая, что историческая реальность была и остается богаче любой теории. К интерпретациям национального и социального государства эта максима применима в полной мере.

Так, в корпусе дисциплин, занимающихся изучением происхождения наций, национальных государств и национализма, к настоящему времени конкурируют два основных подхода к формированию наций и национальных государств на Европейском континенте: *социетальный* и *социально-конструктивистский* [11, 12]. Получившие блестящее воплощение в работах Б. Андерсона, Дж. Бройи, Э. Геллнера, К. Дойча, М. Манна, Ч. Тили, М. Шадсона, Э. Хобсбаума, М. Хроха и многих других современных авторов, они отличаются лишь акцентированием внимания на тех или иных группах факторов, обусловивших появление наций и национальных государств: либо социально-экономических причин, с одной стороны, либо политических или культур-

ных факторов, с другой. Не стоит доказывать, что в створе исторической конкретики все эти факторы теснейшим образом связаны друг с другом.

Аналогичным образом в отечественной литературе, помимо экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок, к настоящему времени сформировались как минимум четыре междисциплинарных подхода к анализу социального государства:

1) *атрибутивный* (в рамках которого социальное государство определяется через выявление и перечисление его социальных характеристик);

2) *ценностно-нормативный* (в пределах которого социальное государство понимается как государство, основанное на принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности);

3) *системно-функциональный подход* (интерпретирующий эволюцию государства в социальное как формирование (и развитие) системы его социальных функций, увеличение их числа и значимости) [13];

4) *идеально-типический подход* (представляющий собой выделение из имеющихся теоретических представлений о государстве наиболее характерных («типических»), с точки зрения адептов этого подхода, черт социального государства, совокупность которых позволяет сконструировать его «идеальный тип») [14].

Между приверженцами этих подходов идут оживленные дискуссии [14, с. 64–97], но окончательного набора критериев, наличие которых позволило бы отнести то или иное государство к категории социальных, все еще нет. Нет и разделяемой всеми типологии социальных государств, хотя трактовок социального государства существует великое множество. Во многих работах эти трактовки совмещаются или пересекаются, увеличивая онтологическое разнообразие и методологический плюрализм совокупного научно-рационального дискурса о социальном государстве, создавая барьеры «непонимания» между исследователями, в свою очередь, препятствующие выявлению теоретической и исторической взаимосвязи между понятиями «общество» (социум) и «государство» и фиксируемыми ими феноменами.

По мнению автора статьи, наиболее предпочтительным с точки зрения социально-философского подхода является понимание, в пределах которого социальное государство может быть интерпретировано, например, как возникшая во второй половине XIX столетия новая форма национального государства: «Правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания классовых противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину такие стандарты материаль-

ной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы» [15]. И это только одна из многих используемых интерпретаций в пространстве дисциплинарно и парадигмально разнообразного научного дискурса.

Однако дело не только в дисциплинарном и парадигмальном плюрализме *научного* дискурса. Ситуация осложняется тем, что в различных странах термин «государство» не только понимается, но и звучит по-разному. Например, в русском языке слово «государство» изначально акцентирует внимание на отношениях властной зависимости общества от воли государя, которому общество обязано нести службу. Но во многих европейских языках слово «государство» означает также «состояние», восходит к латинскому status (положение дел) и в этом качестве пересекается с понятием «общество». Общество, очевидно, как и государство, представляет собой иерархически и горизонтально организованную и стратифицированную совокупность индивидов, часть из которых обладает правами на управление (в том числе и посредством легитимного насилия) другими людьми. И в этом (социально-антропологическом) аспекте государство являет собой имманентную часть более общего целого: населения страны или общества, которое государство категоризирует в официальных документах посредством группистских терминов — классов, народов, этносов, наций и других групп населения. Указанный феномен *категоризации* фиксирует весьма важный и зачастую неосознаваемый момент повседневной практики: *навязывание людям государственными институтами их социальной (этнической, классовой и др.) принадлежности*. Инструментом такого навязывания служат государственные «переписи» и записи в паспортах, которые в периоды социальных напряжений и войн могут стать аргументом для переселений и депортаций. Поэтому крылатое выражение «всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет» совсем не бессмысленно, отсылая к социальным группам, из которых рекрутируется кадровый состав бюрократии — социальный слой, без которого государство теперь немислимо. Так что в ходе дальнейшего исследования термины «социальное государство» и «национальное государство» будут использоваться в смысле social state и national state: *как исторически изменяемые формы государства модернового (современного) типа*.

Государство модернового типа, по мнению автора статьи, появляется в западноевропейских странах примерно в XVII в. и затем, расширяя цивилизационные ареалы своего распространения, уже к середине XX столетия становится нормой (или образцом) государственного устройства для подавляющего большинства стран мира.

Но исторически современное государство в двух его ипостасях (как национальное и социальное государство) первоначально возникает именно в лоне западноевропейской цивилизации, приобретшей со временем евроатлантический масштаб. Это обстоятельство важно подчеркнуть, поскольку появление и использование терминов «эпоха модерна» (*modernity*) и «модерное государство» часто и справедливо связывают с так называемым модернистским подходом к анализу всемирной истории, адепты которого негативно относятся к концепциям цивилизаций. Такой подход не является внутренне единым, а представляет сложную совокупность многочисленных теорий модернизации и постиндустриализма [16], находящихся между собой в отношениях конкуренции, но объединенных общим представлением о наступлении принципиально нового — постиндустриального или постмодернистского — этапа в развитии человечества. Различаются и предлагаемые периодизации всемирной истории: как правило, проекции исторического развития выстраиваются по линиям «аграрное — индустриальное — постиндустриальное общества» или «досовременное состояние — эпоха (общество) модернити — эпоха постмодернити (постсовременность)».

За рубежом приверженцами модернистского подхода являются Д. Белл, Э. Гидденс, П. Дракер, С. Крук, С. Лэш, а в России — В.Л. Иноземцев, А. Караганов и ряд других авторов. Их объединяет одна очень простая и фатальная мысль: несмотря на использование евроатлантической цивилизационной модели развития (западного модернизма), шансов догнать и перегнать Запад у «всего остального мира» (включая Россию, Китай и другие страны «второго эшелона развития») в обозримом будущем нет. По мнению автора статьи, это спорное утверждение, не учитывающее неоднократно фиксируемую в прошлом нелинейность исторического развития (периодическую смену «центров» (полюсов) мировой динамики), наблюдаемую эрозию духовных скреп евроатлантической цивилизации (воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализма), ее частичного отказа от ценностей христианства и Просвещения и здоровый консерватизм цивилизаций Азии, взявших курс на модернизацию без потери национальной и цивилизационной идентичности. Хотя предлагаемую авторами модернистского подхода периодизацию истории можно принять, но с определенными уточнениями, на которые обычно не обращают внимания.

Следует заметить, что термин «постсовременность», как и другие, образованные посредством приставки «пост-» (постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм, постнаука и т. п.), не является «строгим» понятием: не указывает прямо на свой предмет, а лишь фиксирует связь с содержанием непосредственно предшеству-

ющего термина, т. е. современности (модерна). Но «современное» (мне, нам) не тождественно, хотя и в значительной мере синонимично, хронологически «одновременному»: сосуществующему в один и тот же интервал времени вместе с наблюдателем. Шекспир, Мольер, Декарт, Ньютон, Вольтер, Руссо, Кант, Гегель, Гете и сотни других представителей культуры модерна современны нам постольку, поскольку созданные ими понятия, концепты и концепции, художественные образы, научные гипотезы и идеи созвучны нашему времени: до сих пор *представляют для нас проблемы, иницирующие множество интерпретаций*, а потому интересные нам — их «современникам». Уже только это наблюдение ставит под сомнение жесткое (антагонистическое) противопоставление эпох премодерна (Античность, Средние века), модерна (XVII — вторая треть XX в.) и постмодерна в качестве содержательно совершенно различных исторических периодов. Такое противопоставление возможно лишь со многими оговорками и в сугубо аналитических целях. За их пределами — «в настоящем» — просматривается взаимосвязь времен, не предполагающая элиминации предыдущих состояний, скорее здесь речь идет о переходе на новый качественный уровень развития, сохраняющий связь с предыдущими. Следовательно, постмодерн (и эпоха постмодерна) *диалектически* противопоставляется модерну, т. е. *с указанием на сосуществование и сохранение достижений минувшего*. И это позволяет вслед за Ю. Хабермасом, П. Вагнером, Э. Гидденсом, А. Туреном и другими утверждать о незавершенности проекта (эпохи) модерна, о первом и втором (организованном) модерне, о радикализации модерна или об индустриальном и постиндустриальном модерне. Для этого есть немало оснований в хронологически современной нам политической и культурной реальности.

Несмотря на то что модернизм как мировоззрение эпохи раннего (первого) модерна с характерными для него секуляризацией и верой во всемогущество человеческого разума, способного воплотить в жизнь познанные им «законы природы и общества», уже в конце XIX в. был сначала подточен нищезанятием, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом в первой половине XX в., а во второй половине XX столетия был атакован культурным и философским постмодернизмом, его интеллектуальный и ценностный фундамент оказался довольно прочным. Исторически изжитыми оказались некоторые формы первого (XVII–XVIII вв.) и второго (XIX — первая половина XX в.) модерна, но его ориентация на науку и рационализм, принципы научного познания мира (объективности, логической непротиворечивости, экспликации оснований, достаточной полноты и др.), формы организации науки (университеты, академии, институты) и искусства (библиотеки, музеи, выставки, оперные и иные театры),

многочисленные социальные институты и институции, демократические принципы организации политической жизни, ценности свободы, равенства и братства людей, прав человека и гражданина, их социальные права не только не утратили своей значимости, но до сих пор требуют развития. Это же относится и к государству как одной из старейших политических форм общежития, начиная с Нового времени претерпевшей по мере развития множество исторических трансформаций в ходе *взаимосвязанных процессов национализации и социализации этого института*.

Указание на это обстоятельство имеет принципиальный характер, поскольку проблематизирует утвердившуюся в социальных науках традицию, во-первых, рассматривать независимо друг от друга процессы формирования и развития национальных и социальных государств, а во-вторых, анализировать их вне связи с цивилизационными формами осуществления исторического процесса. Необходимость учета последних следует из современных версий социального конструктивизма. Согласно социальному конструктивизму, люди сами творят свою историю, но творят ее произвольно и лишь в актах субъективного и intersубъективного индивидуального опыта, под воздействием многих не зависящих от них обстоятельств и в соответствии с мерой их познанности, определяющей успешность предметно-практического преобразования окружающей их действительности в желаемое состояние. С определенными уточнениями, связанными с различным пониманием базисных причин социальных трансформаций, с такой естественно-исторической версией социального конструктивизма К. Маркса были солидарны сначала О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, а затем А. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс, Л. Февр, Ф. Бродель, И. Валлерстайн и многие другие выдающиеся социологи и историки. Разумеется, в пределах социального конструктивизма они формировали разные онтологии истории, используя в качестве ключевых единиц анализа категории «социум» («общество»), «цивилизация» или «мир-система». Так, к концу XX столетия сформировались и получили признание социетальный, цивилизационный и миросистемный подходы (парадигмы) к изучению исторического процесса, которые в многочисленных авторских вариантах существуют, конкурируя между собой, до сих пор. Различия между этими вариантами состоят лишь в акцентуации исследователями разных групп объективных и субъективных факторов, комплексное воздействие которых вместе с тем должно быть учтено. Учтено в створе понимания человеческой истории как формируемой в процессе совместной целеполагающей коллективной жизнедеятельности, в ходе которой люди вступают между собой в многообразные отношения, создавая «вторую природу» — культуру и социальность. Культура и социальность не существуют сами по себе и не просто взаимодействуют, а вза-

имопроникают друг в друга, образуя реальность особого типа: антропосоциокультурную действительность, пространственно-временные изменения которой в течение веков и тысячелетий создают то, что может быть названо историей человечества.

Ее изменения имели и имеют диалектический характер, а потому не могут быть адекватно поняты вне связи с эволюцией интересов (потребностей), мировоззрений и форм сознания взаимодействующих пространственно локализованных коллективных *субъектов истории*, подвергающихся в процессе миграций, торговых, финансово-экономических, военно-политических и духовно-культурных взаимодействий разнообразным трансформациям и поглощениям, в ходе которых образуются новые, численно и пространственно более крупные социальные, политические и социокультурные антропосоциальные целостности: объективно и субъективно-символически интегрированные в общества (социумы), цивилизации или мир-системы объединения индивидов.

Анализ содержательных различий между этими понятиями и фиксируемыми ими историческими феноменами выходит за рамки настоящей статьи. Но важно подчеркнуть *дополнительность* формируемых на основе этих универсалий *исторических онтологий* в рамках современного социального конструктивизма, отказавшегося от идей пандетерминизма, линейного прогресса и историцизма, но обратившего внимание на нелинейный характер исторического развития. Многочисленные исследования убедительно подтвердили, что известная нам история — многовекторный процесс обуславливающих друг друга тенденций дифференциации и интеграции образующих человечество антропосоциальных целостностей, его (человечества) структурного усложнения и одновременно становления его целостности и единства. Роль сознания (индивидуального и массового) в этом процессе оказывается определяющей. Будучи представленным исторически изменяемым многообразием научных и вненаучных (мифологических, моральных, религиозных, философских) форм, оно осмысливает наличный «социальный мир» не только с позиций «сущего», но и с позиций «должного» состояния, формируя тем самым «горизонты» его развития.

Применительно к государству как исторически изменяемой политической форме организации совместного проживания антропологически, лингвистически, культурно и религиозно разных сообществ (групп) на определенной (юридически фиксированной) территории посредством различных институтов власти это означает *необходимость учета общеисторического и цивилизационного контекстов его эволюции, в пространстве которых государство обретает качественно новые характеристики*. В данном случае современное государство появляется как продукт западноевропейской, а затем и

евроатлантической цивилизации, важнейшую часть трансформации «культурного ядра» которой, начиная с XVII столетия, составили возникшие в среде новых социальных слоев представления об обществе и государстве, о его национальном характере и социальном предназначении. Вооруженные новыми политическими и социальными идеями именно эти социальные группы — просвещенные бюрократы, люди свободных профессий и интеллектуалы — стали главным фактором трансформации сословного государства в государство национальное, а затем и социальное [17, 18]. Последнее вырастает из национального правового государства, в свою очередь, способствуя укреплению национального единства полиэтнического населения европейских стран.

В современной литературе хотя и отмечается, что национальные правовые государства в Европе возникают раньше собственно государств социальных, их появление и развитие рассматриваются независимо друг от друга. Это возможно, но лишь в аналитических целях для удобства изложения материала. А доказанная история свидетельствует об ином. Эволюция государства в Новое и Новейшее время представляла собой сложный взаимообусловленный процесс «национализации» и «социализации» этого общественного института. Употребление данных терминов не авторская прихоть, а теоретическая необходимость, вызванная попыткой избавиться от наивного реализма и эссенциализма — веры в независимое от человека (объективное) и внеязыковое существование наций, классов, государств, других категорий социальных наук *в качестве неких ставших, а не становящихся явлений*. Разумеется, окружающие нас природный и социальный миры представляют собой совокупность качественно определенных (устойчивых) явлений, и в этом смысле могут быть уподоблены «вещам». Это уподобление совершается в обыденном и научном языке: каждое слово, а также понятие «уже обобщают», тем самым схватывая качественную определенность (устойчивость) внешней человеку реальности, но одновременно и «останавливая» ее имманентно процессуальный характер. Возникает языковая иллюзия ставшего (но и остановленного нами) мира, который, согласно науке, представляет собой диалектическое единство изменчивого и устойчивого, ставшего и становящегося. Процессы овеществлены, а вещи процессивны. Именно это ускользающее от внимания исследователя обстоятельство я предлагаю удерживать, используя термины «национализация» и «социализация» «государства модерна».

Подводя итоги статьи, можно сделать следующие выводы. Парадигмальный и концептуальный плюрализм современного научного дискурса о государстве оставляет на периферии внимания специфические характеристики становления и развития «государства модерна», выразившиеся в процессах его «национализации» и «социализа-

ции», терминологически воплотившихся в категориях «национальное» и «социальное» государство. В большинстве случаев эти понятия и соответствующие им социально-исторические феномены используются и анализируются независимо друг от друга, без учета общеисторического и цивилизационного контекстов их эволюции в качестве исторических форм современного государства, обуславливающих друг друга. Социальное государство, возникшее позже национальных государств, в конце XIX столетия, в дальнейшем развивалось вместе с государством национальным. Учитывая эту хронологию, процессы «национализации» и «социализации» государства можно анализировать отдельно, но постоянно подчеркивая их диалектику в контексте движения истории от эпохи первого (доиндустриального) к индустриальному и постиндустриальному (информационному) модерну. Уже в первый период своего становления «государство модерна», исторически представленное в форме абсолютистского «камералистского государства», качественно отличалось от предшествовавшего ему сословного государства, постепенно и сложно эволюционируя от правового демократического *национального* государства (путем замены суверенитета государя суверенитетом нации) к правовому *социальному* государству, обязующему самое себя соблюдать не только гражданские (политические), но и социальные права человека. Иначе говоря, в створе исторической конкретики эволюция современного государства в Новое и Новейшее время представляла собой сложный взаимообусловленный процесс «национализации» и «социализации» этого общественного института, который теоретически правильнее было бы определять не как нечто ставшее, а как становящееся единство (или симбиоз) «национального» и «социального» (социализированного) государства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Чиркин В.Е. *Современное государство*. Москва, Международные отношения, 2001, 412 с.
- [2] Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. В кн.: Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М., Хабермас Ю., Манн М. и др. *Нации и национализм*. Москва, Праксис, 2002, с. 346–351.
- [3] Кревельд М. *Расцвет и упадок государства*. Москва, ИРИСЭН, 2006, 544 с.
- [4] Ясаи Э. де. *Государство*. Москва, ИРИСЭН, 2008, 416 с.
- [5] Вебер М. *Избранные произведения*. Москва, Прогресс, 1990, 696 с.
- [6] Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В кн.: Попов А.В., ред. *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. Москва, Восточная литература, 1995, с. 165–187.
- [7] Бондаренко Д.М. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (постановка проблемы). В кн.:

- Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А., ред. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва, Логос, 2000, с. 198–206.
- [8] Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., ред. *Цивилизационные модели политогенеза*. Москва, ЦЦРИ РАН, 2002, 342 с.
- [9] Бондаренко Д.М. Государство как феномен социальной истории: сущность и отличительные признаки. *Историческая психология и социология истории*, 2014, № 2, с. 164–188.
- [10] Лебедев С.А. Научная истина и ее критерии. *Новое в психолого-педагогических исследованиях*, 2012, № 4, с. 7–22.
- [11] Гранин Ю.Д. *Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее*. Санкт-Петербург, Проектные решения, 2014, 240 с.
- [12] Гранин Ю.Д. *Нации и национализм. Теория и история*. Москва, Академия медиаиндустрии, 2016, 280 с.
- [13] Калашников С.В. *Очерки теории социального государства*. Москва, Экономика, 2006, 262 с.
- [14] Кочеткова Л.Н. *Социальное государство. Опыт философского исследования*. Москва, Либерком, 2016, 60 с.
- [15] Гранин Ю.Д. Социальное государство и его исторические воплощения. *Гуманитарный вестник*, 2019, вып. 4. DOI 10.18698/2306-8477-2019-4-613
- [16] Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. Москва, Академия, 1999, с. 3–66.
- [17] Гранин Ю.Д. Социализация европейских государств в XVIII–XX столетиях. В кн.: *Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты*. Санкт-Петербург, РЕНОМЕ, 2019, с. 41–94.
- [18] *Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты*. Санкт-Петербург, Изд-во Политехнического университета, 2017, 272 с.

Статья поступила в редакцию 24.06.2020

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Гранин Ю.Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах. *Гуманитарный вестник*, 2020, вып. 3.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2020-3-661>

Гранин Юрий Дмитриевич — д-р филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. e-mail: maily-granin@mail.ru

Analysis of theorization about the “modern state” and its historical forms

© Yu.D. Granin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, 109240, Russia

The purpose of the study was to analyze the features of interpreting the content of the concept and the phenomenon of “state”, its historical forms in various types of scientific discourse. The study shows that most of these interpretations do not pay enough attention to the specific characteristics of the formation and development of the “modern state” — the processes of its nationalization and socialization, which in the social sciences are interpreted in an essentialist way, i.e. not as those which are becoming “social” and “national” states but as those which have become such states. It is efficient to use these concepts and the corresponding historical phenomena taking into account the general historical and civilizational contexts of their formation and as historical forms of the “modern state” that condition each other.

Keywords: state, modern state, modern, nationalization, socialization

REFERENCES

- [1] Chirkin V.E. *Sovremennoe gosudarstvo* [The modern state]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2001, 412 p.
- [2] Habermas J. *Evropeyskoe natsionalnoe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva* [European national state. Its achievements and limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship]. In: Anderson B., Bauer O., Chroh M., Habermas J., Mann M., et al. *Natsii i natsionalizm* [Mapping the Nation (New Left Review, 1996)]. Moscow, Praksis Publ., 2002, pp. 346–351.
- [3] Creveld M.V. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge University Press, 1999, 448 p. [In Russ.: Creveld M.V. *Rastsvet i upadok gosudarstva*. Moscow, IRISEN, 2008, 416 p.].
- [4] De Jasay A. *The State (The Collected Papers of Anthony de Jasay)*. Liberty Fund, 1998, 330 p. [In Russ.: De Jasay A. *Gosudarstvo*. Moscow, IRISEN, 2008, 416 p.].
- [5] Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 696 p.
- [6] Belkov P.L. *Ranee gosudarstvo, predgosudarstvo, protogosudarstvo: igra v terminy?* [Early state, pre-state, proto-state: a game of terms?]. In: Popov A.V., ed. *Rannie formy politicheskoy organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti* [Early forms of political organization: from primitive state to statehood]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 1995, pp. 165–187.
- [7] Bondarenko D. M. «Gomologicheskie ryady» sotsialnoy evolyutsii i alternativny gosudarstvu v mirovoy istorii (postanovka problemy). [“Homologous series” of social evolution and an alternative to the state in world history (problem statement)]. In: Kradin N.N., Korotaev A.V., Bondarenko D.M., Lynsha V.A., ed. *Alternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilization]. Moscow, Logos Publ., 2000, pp. 198–206.
- [8] Bondarenko D.M., Korotaev A.V., ed. *Tsivilizatsionnye modeli politogeneza* [Civilization models of polytogenesis]. Moscow, CRRC RAS, 2002, 342 p.
- [9] Bondarenko D.M. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii — Historical Psychology & Sociology*, 2014, no. 2, pp. 164–188.

- [10] Lebedev S.A. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh (The new in psychological and pedagogical research)*, 2012, no. 4, pp. 7–22.
- [11] Granin Yu.D. *Natsionalnoe gosudarstvo. Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [The nation state. Past. Present. Future]. St. Petersburg, Proektnye resheniya Publ., 2014, 240 p.
- [12] Granin Yu.D. *Natsii i natsionalizm. Teoriya i istoriya* [Nations and nationalism. Theory and history]. Moscow, Akademiya medindustrii, 2016, 280 p.
- [13] Kalashnikov S.V. *Ocherki teorii sotsialnogo gosudarstva* [Essays on the theory of the social state]. Moscow, Ekonomika Publ., 2006, 262 p.
- [14] Kochetkova L.N. *Sotsialnoe gosudarstvo. Opyt filosofskogo issledovaniya* [Social state. The experience of philosophical research]. Moscow, Liberkom, 2016, 60 p.
- [15] Granin Yu.D. *Gumanitarny vestnik — Humanities Bulletin of BMSTU*, 2019, no. 4. DOI: 10.18698 / 2306-8477-2019-4-613
- [16] Inozemtsev V.L. *Perspektivy postindustrialnoy teorii v menyayushchemsya mire. Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* [Prospects of post-industrial theory in a changing world. New industrial wave in the West. Anthology]. Moscow, 1999, pp. 3–66.
- [17] Granin Yu.D. *Sotsializatsiya evropeyskikh gosudarstv v XVIII–XX stoletiyakh* [Socialization of European states in the XVIII-XX centuries]. In: *Stanovlenie gosudarstva blagosostoyaniya i perspektivy sotsialnogo gosudarstva v Rossii. Realii i proekty* [Formation of the welfare state and prospects of the social state in Russia. Realities and projects]. St. Petersburg, RENOME Publ., pp. 41–94.
- [18] *Filosofiya kommunikatsii. Teoretiko-metodologicheskie aspekty* [The philosophy of communication. Theoretical and methodological aspects]. St. Petersburg, Polytechnic University Publ., 2017, 272 p.

Granin Yu.D., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. e-mail: maily-granin@mail.ru